

Филипп Шафф
Иисус Христос – величайшее чудо истории.
Опровержение ложных теорий о личности
Иисуса Христа и собрание свидетельств
о высоком достоинстве характера,
жизни и дел его со стороны неверующих

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2477165*

*Иисус Христос – величайшее чудо истории. Опровержение ложных теорий о личности Иисуса Христа и собрание свидетельств о высоком достоинстве характера, жизни и дел его со стороны неверующих: Сибирская Благовонница; Москва; 2011
ISBN 978-5-91362-448-2*

Аннотация

Предлагаемое в русском переводе сочинение Филиппа Шаффа «Die Person Jésus Ghristi das Wunder der Geschichte», подобно другим трудам того же писателя, отличается научностью и ортодоксальным направлением. На основании Евангельских сказаний прослежена земная жизнь Иисуса Христа и собраны свидетельства о Нем неверующих ученых, которые были поражены неземным величием Христа. Духовно-учебный Комитет рекомендовал это сочинение как «полезное пособие для наставников Духовных Семинарий».

Содержание

Предисловие	4
Введение	6
Литература	10
Глава первая	11
Глава вторая	14
Глава третья	17
Глава четвертая	20
Глава пятая	24
Глава шестая	26
Глава седьмая	27
Глава восьмая	30
Глава девятая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Филипп Шафф

Иисус Христос – величайшее чудо истории

Предисловие

«Что вы думаете о Христе, чей Он Сын?» Этот вопрос снова сделался религиозным вопросом настоящего времени. Мы радуемся этому, с уверенностью предугадывая результат возобновившейся борьбы: в конце концов всех богословских споров истина всегда восторжествует; как бы распинаемая на кресте и погребаемая от времени до времени, она всегда опять восстает из мертвых, торжествует над всеми заблуждениями, сбрасывает опутывающие ее узы и нередко самых отъявленных врагов, подобно Савлу из Тарса, превращает в преданнейших друзей. Гете весьма справедливо сказал, что «настоящая, единственная и глубочайшая тайна всемирной человеческой истории, которой подчиняются все другие, заключается в борьбе неверия с верой». Эта борьба имеет своим центральным пунктом вопрос о личности Иисуса Христа.

Вопрос о личности Христа есть вопрос христианства, которое есть откровение Его жизни в мире; это – вопрос Церкви, которая утверждает на Нем как на незыблемом камне; это – вопрос истории, которая движется около Него как около центрального солнца нравственного мира; это вопрос каждого человека, инстинктивно стремящегося к Нему как к предмету своих благороднейших и чистейших желаний; это вопрос личного блаженства, которое и может быть достигнуто только в сладчайшем имени Иисуса. Все здание христианства стоит и падает со своим Основателем-Богочеловеком; и если оно никогда не разрушится, то именно потому, что Христос «Один и Тот же вчера, сегодня и вовеки».

Цель настоящего сочинения, направленного к решению вопроса нашего времени о личности Христа, состоит в том, чтобы указать, что личность Иисуса Христа как великое центральное чудо истории есть сильнейшая опора для христианства и что Его совершенное человечество среди греховного мира непременно должно вести нас к признанию Его божества. Полнейшее обитание в Нем божества есть единственное удовлетворительное решение загадки Его чудесного характера. Из чудесного лица Иисуса как необходимое следствие вытекают чудесные Его дела. Чудеса Христос должен был совершать так же легко, как обыкновенный человек совершать свои обыкновенные дела, – противное было бы неестественно. Свойство дерева определяется качеством его плодов. Веруйте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне: а если не так, то верьте Мне по самым делам (Ин. 14, 10; 10, 38). Я верую во Христа, следовательно, я верую в Библию и во все Его чудесные слова и дела.

Утверждаясь на этом основании, я чувствую себя защищенным против всех нападений неверия. Личность Христа для меня есть величайший и известнейший предмет в ряду всех действительных предметов; в бытии Христа я уверен больше, чем в своем собственном существовании, потому что Христос живет во мне (см. Гал. 2, 20) и составляет единственную драгоценнейшую часть моего существа. Без моего Спасителя я – ничто. С Ним же я – все, и Его не могу отдать за тысячи миров.

Не верить во Христа – значит потерять веру в человечество. Такой скептицизм естественно приводит, наконец, к нигилизму отчаяния.

Полного сожаления заслуживает тот факт, что в новейшее время даже те из богословов, от которых нужно бы ожидать лучшего, увлекшись духом отрицания настолько, что в своем стремлении создать и осмыслить личность Христа как человека, шлейермахеровским или

совершенно социнианским образом, вопреки апостолам Павлу и Иоанну, отвергают предвечное бытие Христа и Его божество низводят на степень какого-то необыкновенного обитания в Нем Бога, или выводят Его из шаткого понятия о постепенном обожествлении. Но вместе с предвечным бытием очевидно падает также и воплощение Слова, этот древний (см.: 1 Ин. 4, 2, 3) и основной член веры для Церкви, – рушится необыкновенное дело снисшедшей на землю любви Божией, – этот обильнейший источник утешения для грешника. Мы прежде всего нуждаемся в Боге, уничившемся до человека, а не в обыкновенном человеке, возвысившемся до обожествления. Не веруют даже, что достославный вселенский Халкидонский собор, утвердивший догмат о воплощении Сына Божия, так легко мог устранить, мог избежать и действительно избежал еретических крайностей. Конечно, он не объяснил психологически сущности или самого процесса таинственного вочеловечения; но он и не хотел этого объяснять, а удовлетворился простым утверждением результата, которого он достиг для церковной догматики и для человеческой веры. Научное богословие снова должно поднять эту проблему и, насколько возможно, выяснить ее для сознания настоящего времени; преимущественно же оно должно осмыслить истинно-человеческое развитие Христа. Этим, однако, еще не исчерпывается задача богословия, – напротив, оно еще скорее побуждается к новому рассмотрению божества Иисуса Христа и образа соединения в Нем двух естеств. Но и при всевозможных исследованиях, в конце концов оно должно склониться пред великою тайною «Бог явился во плоти» и смиренно сознаться, что эта священная тайна составляет не столько предмет умозрения и критического рассудочного исследования, сколько предмет благоговения и святое дело веры и жизни. Истинное богословие есть и останется *theologia regnitorum* (богословием возрожденных), которое основывается на слове Божиим и на печальном сознании потребности искупления греха, и которое достигает своих результатов не столько путем умозрений и критики, сколько путем молитвы (*oratio*), размышления (*meditatio*) и благоговейного исследования (*tentatio*).

Приложенное в конце этого сочинения «собрание свидетельств неверующих» о нравственном совершенстве Христа, по моему сознанию, есть первый опыт в этом роде, и потому не претендует на полноту. Да ведь и все наши произведения суть только отрывки.

Неверующие редко убеждаются доказательствами, потому что источники неверия лежат больше в сердце, чем в голове. Но честные исследователи и серьезные скептики, как, например, Нафанаил и Фома, любившие истину и искавшие только убедительного побуждения для своей слабой веры, никогда не уклонялись от доказательств, а напротив, когда они им предлагались, с признательной благодарностью их принимали и преклонялись перед воплотившимся Богом.

Счастливы те, которые таким образом ищут истины, потому что они ее найдут.

Автор

Нью-Йорк, 10 июня 1865 г.

Окончено в Штуттгарте, 4 сентября.

Введение

Когда Господь явился Моисею в горящей Купине, то повелел ему снять обувь, потому что земля, на которой он стоял, была святая земля. С каким же благоговением и священным трепетом должны мы приступить к рассмотрению великой действительности – явления Бога во плоти, – действительности, в сравнении с которой видение Моисея было только тенью и прообразом! 1) (см.: Примечания со стр. 153).

Жизнь и характер Иисуса Христа – это по всей справедливости Святая Святых всемирной истории. Прошло уже восемнадцать столетий с тех пор, как исполнилось время, когда Христос явился на земле, чтобы спасти падший человеческий род от греха и смерти и чтобы открыть неиссякаемый источник праведности и жизни. Тысячелетия с нетерпением ожидали Его пришествия на землю как исполнения надежды всех народов, и тысячелетия уже возвещают Его славу и распространяют могущественное Его владычество. Для благороднейших и лучших людей всего мира Он составляет не только предмет чистейшей любви и искреннейшей благодарности, но и предмет божественного поклонения и обожания. Его имя стоит выше всякого имени, которое только может быть названо на небе и на земле, – оно есть единственное имя, в котором грешник может найти блаженство. Он есть виновник нового творения, Путь, Истина и Жизнь. Он – Пророк, Первосвященник и Царь обновленного человечества. Он есть Еммануил, Бог с нами, вечное Слово, сделавшееся плотью, истинный Бог и истинный Человек в нераздельном лице, Спаситель мира.

Это составляет предмет веры всей христианской Церкви, греческой, латинской и евангелической, во всех странах цивилизованного мира. Как бы далеко ни расходились различные исповедания и различные христианские общества в учении и обрядах, но в любви и поклонении Иисусу все они согласны между собою. Они слагают свое оружие, когда приближаются к вифлеемским яслям или ко Кресту на Голгофе, где родился и умер Христос за наши грехи, чтобы мы могли вечно жить на Небе. Он есть божественное примирение всех человеческих сект и вероисповеданий, всеобщий центральный пункт всех истинных христиан, пункт, где встречаются их сердца в любви, в молитве и надеждах, забывая все разногласия умов в воззрениях и теориях. Учения и постановления, богослужение и обряды, науки и искусства всего христианского мира предоставляют свидетельство того неизгладимого впечатления, какое произвел Христос на мир. Бесчисленное множество соборов и церквей служат также живыми памятниками благодарности к Его священному имени, и тысячи хвалебных песен, возносящихся из общественных мест богочтения и из скромных келлий во всех странах мира, ежедневно прославляют Его. Его могущество теперь еще сильнее, Его царство еще шире прежнего, и они будут распространяться до тех пор, пока все народы преклонят перед Ним свои колена и облобызают Его скипетр правды и мира.

Счастлив тот, кто может в чистоте сердца верить, что Иисус есть Сын Божий и источник блаженства! Истинная вера не дело природы, а дело Бога, действующего на душу через Святого Духа, Который открыл нам Христа в Его истинном существе точно так же, как Христос открыл Отца. «Плоть и кровь, – сказал Господь Петру, после того как он засвидетельствовал славное свое исповедание веры, – плоть и кровь не открыли тебе этого, но Отец Мой небесный». Вера, со своей оправдывающей, освящающей и спасающей силой, не зависит от науки и учености; она с одинаковой легкостью возжигается в сердце малолетнего ребенка и невежественного раба. Особенная слава Спасителя и Его религии заключается в том, что Он одинаково обращается ко всякому человеку без различия пола, возраста, народа и состояния. Его спасительная благодать простирается на всех под единственным только условием покаяния и веры. «Чего не видит ни один ум разумных, то постигается в простоте детского сердца».

Но этот факт не уничтожает необходимости мысли и доказательства.

Откровение есть сверхъестественное дело, превышающее ум, но оно в то же время не неестественно и не исключает возможности исследования. Напротив, естественное и сверхъестественное вместе образуют одно откровение и управление Божие. 2) Христианство одинаковым образом удовлетворяет как глубочайшим интеллектуальным, так и нравственным и религиозным потребностям человека, который создан по образу Божию и для славы Божией. Оно есть откровение истины и жизни. Вера и знание – не противоположности, но взаимно дополняющие друг друга силы; не враги, а неразлучные сестры-близнецы. Вера не только предшествует знанию, но и необходимо также ведет к знанию; с другой стороны, истинное знание всегда коренится в вере, основывается на ней и служит пособием для веры, на которой утверждается. Так мы находим их соединенными в славном исповедании св. Петра, где он от имени всех апостолов говорит: «мы поверили и узнали, что ты Христос». 3) Да, они так тесно связаны друг с другом, что высказанное блаж. Августином, Анзельмом и Шлейермахером положение «вера предшествует знанию», 4) мы можем представить в обратном виде и сказать: «знание предшествует вере»; 5) потому что как можем мы веровать во что-нибудь, не имея по крайней мере хоть какого-нибудь общего исторического представления о бытии и сущности его? Вера, даже в самой низкой своей форме, как подчинение божественному авторитету и признание истины Его откровения, есть столько же деятельность духа и разума, сколько воли и сердца. Отсюда древние определения веры обнимают следующие три пункта: знание, согласие и уверенность. Один только разве идиот или сумасшедший неспособен веровать. Наша религия требует не слепой, но разумной, сознательной веры, и чем она сильнее и пламеннее, тем успешнее ведет все к более и более глубокому проникновению в свое вечное, священное содержание.

Как живая вера во Христа есть душа и средоточие всей практической стороны христианства и всякого благочестия, так правое учение о Христе есть душа и средоточие всякого здорового христианского богословия. Святой Иоанн отрицание плотского начала в Сыне Божием поставляет признаком антихриста, и, следовательно, веру в эту центральную истину он поставляет знаменем христианства. Воплощение вечного Слова и божественная слава, светящаяся чрез покров Его человечества, составляют великую тему его Евангелия, которое Иоанн, как возлюбленный ученик и искренний друг Иисуса, написал под влиянием сердца Христова ангельским пером. Апостольское исповедание веры, выходя из слов Петра, с особенной силой выдвигает учение о Христе и дает ему центральное положение по отношению к предшествующему учению о Боге Отце и последующему о Боге Духе Святом. Развитие древнего кафолического богословия началось и окончилось победоносным защищением высшего пункта его учения об истинном божестве и человечестве во Христе, выдержав борьбу с иудейскими и евхионитскими ересями, отвергавшими во Христе первое, и с языческим гностицизмом, низводившим Его человечество до призрачной тени. Богословие, в своем настоящем и неповрежденном виде, есть истинно-христологическое богословие, и представляет учение о Христе как Богочеловеке. Эта идея есть поистине «член стоящей и не падающей Церкви». Слово Христово – это верный и действительный руководитель к истине, дело Христово – это единственный, всегда текущий и удовлетворяющий источник мира.

При изложении учения о личности Христа мы вместе со святым Иоанном, руководясь введением к его Евангелию, можем начать сверху, с вечного рождения Христа, и проходить чрез творение и приготавливавшееся откровение ветхозаветного домостроительства, пока придем к Его воплощению и к Его истинной человеческой жизни для спасения человеческого рода. Или мы можем вместе с другими евангелистами начать снизу, с рождения Христа от Девы Марии, проходить через постепенно следующие друг за другом ступени Его земной жизни, Его речей и чудес, пока возвысимся до восприятия Его в небесную славу, которую Он

имел прежде сложения мира. Результат в обоих случаях получится один, а именно: Христос соединил в Своем лице всю полноту Божества и всю полноту безгрешного человечества.

Богословы старого времени, как католические, так и протестантские, Божество Иисуса доказывали преимущественно чудесами, которые Он творил, пророчествами и прообразами, которые Он исполнил, божественным именем, которое Он носит, божественными свойствами, которые Ему принадлежат, и божественной славой, на которую Он имел право, которую Ему вполне воздавали апостолы и которая воздается всей Христианской Церковью до настоящего времени.

Но при такого рода доказательствах с одинаковой справедливостью можно идти противоположным путем, выходя из рассмотрения совершенств человечества во Христе, которые, на что согласна даже неверующая партия, так высоко превосходят всякое до Христа и после Него виденное человеческое величие, что они могут быть объяснены рационально только действительным соединением человечества с Божеством, согласно со свидетельством об этом Самого Иисуса Христа и Его апостолов. Чем глубже мы проникаем через покров Его плоти, тем яснее мы видим славу Единородного Сына, от Отца исполненного благодатью и истиной. 6)

Такое почитание Спасителя – заслуга новейшего богословия. Но сильные и коварные нападения неверия новейшего времени на достоверность Евангельской истории по этому самому непременно требовали и требуют более сильного защищения ее, и уже привели к новому торжеству веру Древней Церкви в ее божественного Главу.

Наше гуманистическое, филантропическое и, однако, скептическое время представляется более восприимчивым к принятию доказательства Божества Христова от человечества, чем к восприятию древнедогматического метода, который шел обратным путем. Вместе с Фомой, этим представителем почтенного и серьезного сомнения между апостолами, некоторые благородные и испытующие умы отрекаются верить в Божество Господа на том будто основании, что они убедятся в этом только свидетельствами собственных чувств или основательными доводами разума: они хотят «вложить свои пальцы в язвы гвоздинные и руки в ребра Его», прежде чем в смиренном благоговении воскликнуть: «Господь мой и Бог мой». Они не могут легко прийти к вере в чудеса посредством абстрактных рассуждений или исторических свидетельств; но если б они могли хоть раз увидеть великое нравственное чудо – личность и существо Христа, то чудесные Его дела не представили бы им никакого препятствия в вере, потому что сверхчеловеческое существо необходимо должно творить сверхчеловеческие действия; необыкновенная, чудесная личность должна совершать и чудесные дела. В противном случае и величайшее чудо было бы неестественно. Каково дерево, таковы и плоды. Мы веруем в чудеса Христа, ибо мы веруем в Его лицо как в лицо Богочеловека и средоточие чудес нравственного мира.

С этой точки зрения мы попытаемся общедоступно и в системе проанализировать и представить человеческое существо Христа. Мы покажем человека Иисуса от Назарета, покажем, как Он явился, после простых и несложных известий о Нем неученых и честных галилейских рыбаков, как Он жил верою в христианство, и мы найдем Его во всех положениях Его жизни – как частного, так и общественного деятеля – так высоко стоящим и так единственно совершенным, что именно это совершенство среди несовершенного и грешного мира представляет неопровержимое доказательство Его Божества.

Для более полного исследования предмета следовало бы нам рассмотреть Христа как в общественной, так и в личной Его деятельности: мы должны были бы представить Его как Учителя, Чудотворца и Основателя духовного царства, пределы господства которого не ограничиваются ни временем, ни пространством. Каждая из этих точек зрения неизбежно привела бы нас к одному и тому же результату. Но мы ограничиваемся ради настоящей нашей

Ф. Шафф. «Иисус Христос – величайшее чудо истории. Опровержение ложных теорий о личности Иисуса Христа и собрание свидетельств о высоком достоинстве характера, жизни и дел его со стороны неверующих»

цели рассмотрением личного характера Христа, и этого, надеемся, достаточно будет для достижения того же самого результата.

Литература

Литература о жизни и характере Христа в течение последнего времени приняла весьма широкие размеры в Германии, Франции, Голландии, Англии и Соединенных Штатах. Мы ограничиваемся руководством таких книг и сочинений, в которых более непосредственно трактуется о нравственном характере и безгрешности Спасителя, и которые от рассмотрения полного Его человечества восходят к Его Божеству.

Dr. Karl Ullmann (Professorder Kirchengeschichte, gest. 1865). Die Sündlosigkeit Jésus, Eine apologetische Betrachtung. Zuerst veröffentlicht in den Studien und Kritiken 1828. Nr. 1. bannals besonderes Buch. 7 Auflage, 1863. Die Citate sind theilweise der 7. Auflage entnommen.

Dr. James William Alexander (von New-York, gestorb. 1859). The Character of Jésus, an Argument for the Divine Origin Christianity. Veroffentlicht in den Lectures on the Evidences of Christianity, delivered at the University of Virginia, New-York, 1858, pag. 193–211.

John Voug: The Christ of History, an Argument groundeding the Facts of His Life ou earth. London. Второе изд. в Нью-Йорке, 1858 г.

Dr. Horace Buschnell (von Hartford): The Character of Jésus forbidding his Classification with Men. New-York, 1861 г. (Особенно 10 гл. его прекрасной и интересной книги; Nature and the Supernatural, as together constituting the one System of God. New-York, 1858. Стр. 276 и след.).

Pater Bavne (из Шотландии): The Testimony of Christ to Christianity. Нов. изд. в Бостоне 1862 г.

Dr. Isaak Derner (профессор богословия в Берлине): Ueber Jésus sündlose Vollkommenheit, in den Gothaer «Jahrbucher fur deutsche Theologie». Т. VII. 1862 г., стр. 49-106. Французский перевод этого сочинения явился в Revue Chretienne, и английский доктора Henry B. Smith в Amarican Presbyterian ReViéw. New-York, 1863 г.

Hermann Weiss: Sechs Vorträge über Die Person Jésus Christi. Stuttgart, 1863 г.

Dr. J. J. von Oosterzee (профессор богословия в Утрехте): Das Bild Christi nach der Schrift. Hamburg, 1864 г. (с голландского языка перевод. Ф. Мейерингом). Эта книга составляет третью часть обширнейшего сочинения автора о Христологии Ветхого и Нового Завета, обнародованного в Роттердаме в 1855–1861 гг.

Два французских сочинения, проводящие те же мысли, но которых только известны были одни названия, принадлежат E. Bandiran: Essai sur la divinite du caractere moral de Jésus-Christ. Geneve, 1850 г. и E. de Pressense: Le Redempteur. Paris 1854 г. Guizot: Meditations sur lessence de la religion chretienne. Paris et Leipzig, 1864 г. VIII Meditat., pp. 251–321.

Список старых сочинений о безгрешности Иисуса находится в указанной нами выше книге Ульмана, 7 изд, стр. 231–240.

Сюда же можно отнести и подробные сочинения о жизни Иисуса и Евангельской истории следующих авторов: Hase, Neander, Lange, Ebrard, Sepp, Kuhn, Friedlieb, Bucher, Lichtenstein, Biggenbach, Baumgarten, Ewald, Schleiermacher, Ellieot, Andrews и др.

Глава первая

Детство и отрочество Иисуса

Христос прошел все возрасты человеческой жизни – от детства до лет возмужалости – и в каждом из них осуществил Свой идеальный образ, чтобы спасти и освятить человека во всех периодах его возраста, в каждом из них оставил нам образец для подражания. Он был образцовое дитя, образцовый мальчик, образцовый юноша и образцовый муж. 7) Только немощи слабости и одряхление преклонного возраста были бы несогласны с Его характером и назначением. Он умер и воскрес от мертвых в полном цвете юношески-мужественной силы, и в сердцах своего народа всегда живет как неувядаемая свежесть и ненадломленная сила.

Бросим внимательный взгляд на детство нашего Спасителя. История человеческого рода начинается прелестью невинной юности в Эдемском саду, «где утренние звезды совместно прославляли и все дети Божии радостно ликовали» при взгляде на Адама и Еву, этих видимых подобий их Творца и славный венец всех Его чудных дел. Так является новый Адам, Спаситель падшего рода, восстановитель и обновитель человечества, – является пред нами, по евангельским известиям, прежде всего как дитя, является рожденный хотя и не в раю невинности, а между печальными разрушениями греха и смерти, от бедной Девы, в бедных яслях, но чистый и невинный, и делается предметом хвалебных песней ангельских и поклонения людского. Уже благоговение и ожидание Его рождения превращают девственную Его Мать, обрученную бедному плотнику, в пророчицу, исполненную Духа Божия, вливают юношеские силы в преклонных родителей Крестителя, в полной надежде предвкушавших приближавшееся спасение, и заставляют нерожденное еще дитя выражать свою радость в матерней утробе Елизаветы, – дитя, которому определено было приготовить путь Господу. Вдохновленные хвалебные песни Елизаветы, Марии и Захарии 8) соединяют в себе непреодолимую прелесть поэзии вместе с истиной и служат достойным предуготовлением к скорому действительному явлению дитяти – Христа на пороге евангельского спасения, где высочайшая поэзия божественной премудрости и любви осуществляется в действительности, которая должна превзойти высочайший идеал человеческой поэзии. И когда Небесное Дитя родилось, сошлись Небо и земля, Вифлеемские пастухи и мудрецы с Востока – представители Израиля, ожидавшего спасения, и язычества, во мраке искавшего «неведомого Бога», и все соединяются в поклонении царскому Дитяти и Спасителю.

Это особенное соединение уничижения и славы, человеческого и Божественного встречает нас в самом начале земной истории Христа, которая этим собственно характеризуется и отличается от всякой другой истории. Христос является в мире прежде всего как дитя, как бедное дитя в маленьком городе отдаленной области 9), в самом неприглядном месте, в пещере, в яслях – беззащитный беглец от ярости жестокого тирана – на первый взгляд, сильный камень преткновения для нашей веры; между тем, с другой стороны явление Ангелов, вдохновленные хвалебные песни Захарии и Марии, священное торжество Елисаветы, Анны и Симеона, пророчества, богословская мудрость книжников иерусалимских, даже темное политическое подозрение Ирода, звезда в Вифлееме, путешествие магов из отдаленного Востока, сумрачный свет астрологии и астрономии, предзнаменовательное сновидение и, наконец, Божественное Провидение, дающее чувствовать себя в каждом обстоятельстве, образуют блистательный ряд свидетельств в пользу Божеского происхождения Дитяти – Христа. Небо и земля как бы движутся около Младенца как своего центра, своей силой отталкивающего все темное и злое и той же силою привлекающего все доброе и светлое. Какая противоположность! Дитя в яслях, и оно же – Спаситель мира, Дитя ненавидимое

и преследуемое, и Оно же – благословляемое и возлюбленное; Дитя бедное и презираемое, и Оно же – почитаемое и обожаемое, окруженное опасностями – и чудесно оберегаемое: Дитя, которое приводит в движение звезды на небе, город Иерусалим, пастухов иудейских и мудрецов восточных, и отталкивает от себя дурные губительные элементы мира, и привлекает самые лучшие! Этот контраст, соединивший в себе самые противоположные, но в то же время нисколько не противоречащие друг другу вещи, слишком глубок, возвышен, слишком знаменателен, чтобы быть изобретением двоих необразованных рыбаков 10).

Однако же, несмотря на все эти признаки божественности, Дитя Иисус ни в Евангелии от Матфея, ни в Евангелии от Луки не представляется неестественным чудом, совмещавшим в себе зрелость позднейших возрастов, но представляется истинно человеческим дитятей, тихо покоящимся и улыбающимся на девственной груди Матери, растущим и укрепляющимся в духе 11) и подчиняющимся законам правильного развития, только отличающимся от всех других детей Своим сверхъестественным зачатием и полной свободой от первородного греха и виновности. Иисус является в небесной чистоте незапятнанной невинности, – является как приятный благоухающий цвет Рая. Он был «Святое», согласно с благовестием о Нем Архангела Гавриила (см.: Лк. 1, 35), Он сделался предметом удивления и любви всех, кто приближался к Нему с детской простотой, но вместе с этим и предметом темных подозрений жестокого правителя, ставшего прообразом всех Его будущих врагов и гонителей.

Кто может измерить то облагораживающее, очищающее и возвышающее влияние, какое возбуждается в сердце юноши и старца во всех странах и народах христианских каждый раз в праздник Рождества Христова при воспоминании о Младенце-Христе! Потеря первобытного состояния и невинности обильно вознаграждается возвращением бессмертной невинности вновь приобретенного рая.

Из отроческого возраста Иисуса мы знаем только один факт, рассказанный Лукой, но стоящий в совершенной гармонии с дивными качествами детства Христова и в то же время указывающий на славу Его общественной жизни – этого непрерывного служения Его Небесному Отцу 12). В храме, среди иудейских ученых, мы находим двенадцатилетнего Иисуса не заносчивым и бойким мудрецом, учительствующим и надменно относящимся к другим, как передают апокрифические Евангелия, но слушающим и спрашивающим и, следовательно, действительно учащимся, но в то же время изумляющим Своих учителей Своим умом и Своими речами. Тут нет ничего скороспелого, быстрого или несвойственного возрасту Иисуса, а напротив, мы видим здесь меру премудрости и глубину религиозного интереса, возвышающую отрочество Его над обыкновенным человеческим отрочеством. Он преуспевал в премудрости, возрасте и в любви у Бога и человеков (Лк. 2, 52), рассказывается нам. Он был послушным и во всех отношениях добродетельным Сыном Своих родителей; но при этих качествах Он наполнял их священным трепетом, когда они видели своего Сына вполне преданным делу Его Отца и слышали необыкновенные Его речи, которых они не могли тогда понять, но которые Мария хранила в Своем сердце как священную тайну, будучи твердо убеждена, что они, соответствуя таинству Его сверхъестественного зачатия и рождения, должны иметь глубокий смысл.

Такой образ, как беспечального беспорочного небесного детства, так и зреющего поразительно-мудрого отрочества, каким он представляется вам в живой реальности у самого порога Евангельской истории, никогда прежде не приходил на ум ни одному биографу, поэту или философу. Наоборот, как справедливо замечено 13), все характеры высшего порядка заключают в себе величие и возвышенность в известной мере, но эти качества редко представляются нам развившимися с гармонической и совершенной постепенностью в известных данных, составлявших достояние юношеской натуры; обыкновенно такие характеры образуются посредством процесса очищения, когда многие глупости и недостатки темперамента устраняются, когда обман ограничивает доверие, страсть умеряется рассудком и юно-

шеская горячность отрезвляется опытом. Обыкновенно особенно радуются, указывая на тот факт, что, несмотря на все детские шалости, погрешности, при помощи воспитания в конце концов образуется мудрый, правильный и героический характер, делающийся предметом удивления. Кроме того, если б какой-нибудь писатель (какого бы он ни был времени) взялся описать не просто только беспорочное, но сверхчеловеческое или небесное детство, не имея перед собой оригинала, то он сам должен был бы сделаться существом, стоящим выше человека; в противном случае он представил бы массу грубых преувеличений, нарисовал бы и разрисовал бы свой предмет так, что подобного ему нельзя было бы найти ни на Небе, ни на земле.

Это неестественное преувеличение, в которое неизбежно впадает мифически настроенная фантазия человека, когда она старается воспроизвести сверхчеловеческое детство и юность, самым убедительным образом сказывается в мифе о Геркулесе, который, будучи еще грудным младенцем в колыбели, задавил своими нежными, слабыми руками двух чудовищных змей, но еще гораздо больше передается в известиях апокрифических Евангелий о чудесах Дитяти – Иисуса. Эти апокрифические Евангелия относятся к каноническим как фальшивая монета к настоящей, или как возмутительная карикатура к неподражаемому оригиналу; но этот именно контраст служит, по крайней мере отрицательно, к тому, чтобы подтвердить истину Евангельской истории. Этот сильный контраст употреблялся, особенно в штраусовых спорах, часто, в случае нужды, и как доказательство против мифических теорий.

Между тем как евангелисты ограничивают чудеса зрелым возрастом и временем общественной жизни Иисуса и сохраняют удивительное молчание в отношении Его родителей, псевдоевангелисты детство и отроческие годы Господа и Его Матери наполняют странными чудесами и посредничеству Марии придают выдающееся значение. Вследствие этого пред ними смиряются даже немые идолы, неразумные животные и бездушные деревья, преклоняясь пред Младенцем Иисусом на пути Его в Египет и при возвращении Его оттуда. Будучи пяти- или семилетним мальчиком, Он превращает маленькие шарики из земли в летящих птиц единственно ради удовольствия Своих товарищей; распространяет вокруг Себя ужасы: одним обыкновенным словом осушает поток вод; Своих сверстников превращает в коз; мертвых пробуждает к жизни и производит чудесные лечения какой-то магической силой, которая извлекается из воды, в которой Он мылся, или из платков, которые употреблял, и из постели, на которой спал 14). Это подлог и нелепость неестественного вымысла, тогда как Новый Завет представляет нам во всей истине и красоте, без сомнения, сверхъестественную, но, однако же, в высшей степени действительную историю, которая является в полном своем свете только тогда, когда мы сравним ее с мифическими мечтаниями.

Глава вторая

Воспитание Иисуса

За исключением немногих, указанных в предыдущей главе, но многозначительных намеков, юность Иисуса и приготовление Его к общественному служению покрыты таинственным молчанием. Но нам известны внешние отношения и обстоятельства, среди которых Он вырос и которые не представляют вам ни малейшего объяснения удивительного результата, если мы не признаем сверхчеловеческого и божественного элемента в жизни Иисуса.

Он вырос среди народа, о котором редко и то с презрением упоминают древние классики, – среди народа, в то время покоренного под иго чужеземного притеснителя, в отдаленной, завоеванной провинции римской империи, неизвестнейшей области Палестины, в маленьком городке, обратившемся в пословицу 16); в бедности, обреченный на черные труды; в мастерской неизвестного плотника, вдали от университетов, академий, библиотек и литературных или образованных обществ, лишенный всяких, насколько мы знаем, вспомогательных средств к образованию, кроме родительских забот и попечений, каждодневных чудес природы, ветхозаветных писаний, еженедельных субботствований в назаретской синагоге (см.: Лк. 4, 16), ежегодных празднований Пасхи в иерусалимском храме (см.: Лк. 2, 42) и тайных обращений души Его к Богу, Своему Небесному Отцу. И в самом деле, это великие воспитатели духа и сердца. Книга природы и книга откровения суть лучшие и более важные наставники, чем все человеческие произведения в области науки и искусства. Но эти же наставники одинаковым образом были доступны каждому иудею, и Иисусу не давали ни малейшего преимущества перед самым бедным Его соседом и соплеменником.

Поэтому естественны вопросы Нафанаила: «что доброго может прийти из Назарета?» Отсюда же естественное удивление иудеев, которым были известны все Его родственники и все Его человеческие, естественные отношения. Как знает Он Писание, – спрашивали они, услышав Его учение, – не учившись? (Ин. 7, 15) И при другом случае, когда Он учил в синагоге, спрашивали: «откуда являются у Него такая мудрость и дела? Не сын ли Он плотника? Не Марией ли зовут Его Мать? И не Его ли братья Иаков, Иосиф, Симон и Иуда? Его сестры – не все ли у нас? Откуда же ему приходит все это?» 17) Эти вопросы представляются неизбежными и не совсем удобоreshимы, если мы будем рассматривать Христа как обыкновенного, только простого человека, потому что каждое действие предполагает соответствующую причину.

Представляющаяся при этом трудность несколько не может быть устранена указанием на тот факт, что многие, иногда самые великие люди, особенно в Церкви, усилиями и терпеливой настойчивостью упорно борясь с бедностью и преодолевая всякого рода препятствия, пробивали себе дорогу к известности, начиная с низших ступеней жизни. Мы весьма охотно даем значение этому факту; но в каждом из таких явлений могут быть указаны или школы, или книги, или покровители и друзья, или особенные обстоятельства и влияния как вспомогательные средства при развитии духовного или нравственного величия. У нас, конечно, всегда наготове найдутся какое-нибудь человеческое, естественное основание или связь причин, объясняющих конечный результат.

Лютер, например, без сомнения, был сын бедных родителей и перенес очень суровую юность; однако, он посещал школы в Мансфельде, Магдебурге, Эйзенахе и Эрфуртский университет; прошел аскетическое монастырское воспитание, жил в университете, окруженный профессорами, студентами, библиотеками, и сделался против своей, так сказать, воли, в силу чрезвычайных обстоятельств и непреодолимого требования времени, реформатором.

Обыкновенно и, нужно признаться, совершенно справедливо как на разительнейший и удивительнейший пример самоучки указывают на Шекспира, который, не будучи знаком с рутиной школьного образования, сделался величайшим драматургом всех времен и стран. Но нелепое мнение, что сын варвикского крестьянина, или мясника, или перчаточника – что положительно нам неизвестно – был совсем неученый человек и одним прыжком из необразованного (чему трудно поверить) и неопытного юноши достиг высочайшей степени литературного творчества, давно уже опровергнуто компетентными судьями. Несомненно то, что Шекспир несколько лет провел в свободной латинской школе в Штатфорте, где он, по всей вероятности, выучился «несколько по-латыни и еще меньше по-гречески», чего, как ни мало было в глазах такого глубокого, классически ученого человека, как Бен Жонсон, однако было достаточно для того, чтобы познакомить его с общими понятиями о греко-римской древности. А в чем могли обнаружиться недостатки школьного образования, то Шекспир должен был вознаграждать постоянными частными занятиями и самым внимательным наблюдением над людьми и явлениями; вот почему в его драмах, за исключением незначительных недостатков хронологических, исторических и географических, встречающихся случайно, умышленно или просто по прихоти даже в лучших его произведениях, как, например, в «Перикле» и в «Сне в летнюю ночь», открываются полнота самого короткого и глубокого знакомства с человеческой природой во всех ее типах и положениях – на холодном севере и знойном юге, в 15-м столетии и во времена Цезаря, под влиянием христианства, иудейства и язычества, – и большое разнообразие исторических и других сведений, – всего этого можно было достигнуть не иначе как посредством железного прилежания, при помощи словесного или письменного изучения¹⁸). Кроме того, Шекспир жил в Лондоне в качестве актера, директора театров и писателя в классический век Елизаветы, вращался в обществе гениальных и ученых друзей, пользовался свободным доступом в высшие слои самых образованных людей; наконец, он жил в эпоху последней, заключительной сцены высшего развития человеческого духа, – развития, которое со времени введения христианства всегда двигало человеческую мысль в области всемирной и церковной истории.

В данном случае ко Христу не может быть приложено ни одно из таких естественных объяснений. Он не может быть поставлен в ряд ни с людьми, получившими школьное образование, ни с самодеятельными самоучками, если под последними, как и следует, будем подразумевать таких лиц, которые без правильного руководства живого учителя, но с такими средствами к воспитанию, как книги, наблюдения над людьми и другими предметам и пр., посредством энергического упражнения и развития своих природных способностей достигают великой силы духа и учености, каковы, например, Шекспир, Иаков Бем, Вениамин Франклин. Все попытки приписать Христу знакомство с египетской мудростью, или с глубочайшей теорией, или со всеми другими источниками учености лишены даже и тени доказательности и ровно ничего не объясняют. Он никогда не цитировал ни одной книги, кроме Ветхого Завета. Он никогда не ссылался на всемирную историю, поэзию, риторiku, математику, астрономию, иностранные языки, естественную историю или на какую-нибудь одну из всех отраслей знания – отраслей, из которых составляется человеческая ученость и литература. Он строго ограничивался религией, и из этого одного центра Он распространял свет знания на весь человеческий мир и природу. В этом отношении Он был совершенно оригинален и просто независим, – Он не был похож ни на одного из великих мужей, не исключая даже пророков и апостолов. Христос учил мир как единственное Лицо, которое ничему от него не выучилось и которому Оно ничем не было обязано. Он говорил по Божественному созерцанию как Лицо, которое не только знало истину, но и Сам был Истина, – говорил с таким авторитетом, который требовал безусловного себе подчинения, против которого нельзя было даже восставать и к которому никогда нельзя было относиться презрительно или равнодушно. «Его характер и жизнь, – сказал Юнг, – имели и, вопреки всем обстоятель-

ствам, сохранили в себе такие элементы, в борьбе с которыми не может устоять ни одна земная сила. Они должны поэтому иметь свое истинное основание в необыкновенной божественной силе».

Как скоро за личностью Христа мы признаем божественность, то нетрудно будет видеть, что Он через Свое уничижение, незнатное рождение и бедность, плотническое занятие и глубокое подчинение законам общества возвысил истинное достоинство и славу до такой высоты, о которой раньше и не помышляли, и навсегда отверг и уничтожил тот ложный масштаб, которым измеряли достоинство людей и предметов по их внешнему виду, и по которому нравственное величие отождествляли с высоким званием, а нравственную подлость с низким положением в жизни.

Глава третья

Общественная жизнь Иисуса

Кратковременность и сильное действие Его общественного служения. Отсутствие всякого желания славы и мирского величия

Мы приступаем теперь к общественной жизни Иисуса. Спустя тридцать лет по рождении, после мессианского посвящения крещением Иоанна, Его непосредственного Предтечи и личного представителя Ветхого Завета как со стороны его законодательств, так и со стороны пророческой или евангельской, и после мессианского испытания посредством искушения в пустыне – параллель искушения первого Адама в Раю – Он выступил на великое Свое дело.

Общественная жизнь Иисуса продолжалась только три года, и еще прежде достижения мужской зрелости Он умер в полной свежести и мужественной силе, не испытавши слабости старческого возраста, что неизбежно расстроило бы образ Князя Жизни и Восстановителя нашего рода. Он сохранил цвет юноши – Он не был пожилым мужем. Его личность и Его дело, каждое Слово, Им сказанное, каждое дело, Им совершенное, носят на себе печать свежести, блеска и силы юности и сохраняют их всегда. Все другое исчезает вместе со временем, каждая книга, написанная человеком, теряет свой интерес после повторного чтения, только Евангелие Иисуса никогда не утомляет читателя; напротив, чем чаще оно читается, тем больше становится интересным, и при каждом новом чтении глубина его делается глубже. О Наполеоне, во время заключения его на острове Елены, рассказывают, что он, указывая на Новый Завет, лежавший на столе, сказал: «Я никогда не утомляюсь, читая его, и каждый день читаю его с одинаковым восхищением. Евангелие не книга, а живая сила, побеждающая все, что захочет ей противиться... Чистота Евангелия, пленяющего душу, принадлежит не миру, но Богу».

Но, отличаясь от всех людей по Своим летам, Христос со свежестью, энергией и творческой силой юности соединял такую мудрость, умеренность и опытность, которые во всех других случаях свойственны только зрелому возрасту. Три года Его общественного служения, если даже рассматривать их с простой исторической точки зрения, заключают в себе больше, чем самая продолжительная жизнь самых лучших и замечательнейших людей. Они наполнены глубочайшим смыслом божественного определения и назначения касательно человеческого рода. Они – зрелый плод всего предшествовавшего времени, исполнение всех надежд и пламенных желаний иудеев и язычников и плодоносный зародыш возникающих родов. Они заключают в себе импульсы для самых светлых размышлений и благороднейших дел и сохраняют такую силу до тех пор, пока стоит мир. Они – «конец бесконечного прошедшего и начало бесконечного будущего» 19).

Как достопамятен, как удивителен этот контраст между кратковременностью и несоизмеримым значением общественного служения Иисуса! Спаситель мира – юноша!

Все остальные люди нуждаются в длинном ряде лет, чтобы довести свой дух и характер до зрелости и оставить после себя в мире продолжительный след. Есть, конечно, исключения, которым мы не отказываем в значении. Александр Великий, этот последний и самый блистательный цвет древней греческой национальности, умер молодым человеком тридцати трех лет и завоевал Восток до самых берегов Инда. Но кто может подумать только сравнить этого тщеславного завоевателя, эту жертву своих страстей с незапятнанным Другом грешников, или кровавые победы, окончившиеся постыдным поражением в упоении чувственных вожделений, с мирными триумфами Другого, триумфами, которые всегда, с каждым годом делаются славнее. И, наконец, чудовищное солдатское, на насилии основанное царство, рас-

павшееся на части тотчас после своего образования, сравнить с духовным Царством, которое стоит до настоящего дня и будет стоять вечно? Впрочем, не должно забывать, что истинное значение и единственное достоинство завоеваний Александра лежит совершенно вне горизонта его честолюбия и его намерений: пересадкой греческого языка и греческой цивилизации в Азию и посредством соединения восточного мира с западным приготавлился путь ко введению всеобщей религии Иисуса Христа. Наполеон в своем разговоре с генералом Бертранным на острове Святой Елены сделал удачное замечание: «восторгаются завоеваниями Александра. Так и быть! Но есть Другой завоеватель, Который присвоил Себе, соединил с Собою и организовал не только нацию, но весь человеческий род. Какое чудо! Человеческая душа со всеми ее силами делается неотъемлемой частью (*une annexe*) Иисуса Христа» 20). Жизнь и дела Христа в абсолютном смысле составляют центр истории, так что вся древность относится к Нему как приготовление к ним, а средние и новые века – как исполнение их. Поэтому-то они стоят выше всякого сравнения с делами обыкновенного человека.

Есть еще другое поразительное различие между Христом и героями истории, различие, о котором мы не можем не упомянуть. Было бы совершенно естественно предположить, что такая необыкновенная личность, которая вызывает удивительные притязания и совершает необыкновенные дела, окружит себя необыкновенными отношениями и займет положение выше обыкновенной низкой толпы. От такого лица должно было бы ожидать чего-то особенного и поразительного во взгляде, одежде, манерах, образе речи, жизни, равно как и в свите Его слуг и сопровождающих.

Но тут-то мы и встречаем прямую противоположность. Величие Христово носит на себе печать особенной, оригинальной скромности, лишено малейших притязаний на внешний блеск; оно не только не пугает зрителя, а напротив, вселяет в него сильнейшее желание к теснейшему сближению со Христом. Его общественная жизнь никогда не выражала притязаний на славу мирского героизма, окруженного важностью и внешним блеском, – напротив, она вращалась в кругу обыденной жизни и в простых отношениях сына, брата, гражданина, учителя и друга. Даже достоверного изображения Его лика, «исполненного благодати и истины», мы не имеем; глаза евангелистов преимущественно были обращены на небесную красоту духа Христова, и потому-то внешнее явление у них теряется пред силой Его слова и дела. Христос не командовал армией, у Него не было царства, которым бы Он управлял, никогда Он не занимал видного поста, никогда Он не заискивал мирского благорасположения и ни от кого не ожидал вознаграждения. Он был самый простой человек, у которого не было друзей и покровителей ни в синагогине, ни при дворе Ирода. Христос не имел дружеских сношений ни с духовными, ни со светскими руководителями народа, которых Он, на двенадцатом году Своей жизни, Своими вопросами и ответами привел в изумление. Своих учеников Он выбрал из необразованных рыбаков галилейских и не обещал им никакого другого вознаграждения в этом мире, кроме участия в Своей горькой чаше страданий. Он ел с мытарями и грешниками, мешался в толпе простого народа, никогда, однако, не унижаясь до его грубых нравов и обычаев. Христос был так беден, что не имел места, где Он мог бы приклонить голову. Удовлетворение небольших Его потребностей зависело от добровольных подаяний некоторых благочестивых женщин, и «ковчежец» был в руках вора и предателя. Он не обладал также ни ученостью, ни знанием искусств, ни красноречием в обыкновенном смысле, ни другой какой-нибудь силой, посредством чего великие мужи возбуждают внимание и обеспечивают за собой удивление мира. Греческие и римские писатели ничего не знали даже о существовании Христа; только спустя несколько лет после Его крестной смерти плоды Его дела, постоянное возрастание «секты» Его приверженцев вызвали их презрительное прозвище и оппозицию.

Но при всем этом Иисус от Назарета без денег и оружия завоевал миллионы, завоевал больше, чем Александр, Цезарь, Магомет и Наполеон; без научного познания и учености

Он распространил свет на человеческие и божественные дела больше, чем все философы и ученые, взятые вместе; без школьного красноречия Он произносил такие слова жизни, какие никогда ни прежде, ни после не были высказаны, и произвел такое действие, которое далеко превышает силы какого бы то ни было оратора или поэта; не написавши ни одной строки, Он привел в движение перья и дал темы для проповедей, речей, сочинений, ученых книг, произведений искусств и сладких песен хвалы – сделал больше, чем все множество произведений великих мужей древних и новых времен. Рожденный в яслях и как преступник распятый на кресте, Он двигает теперь судьбами цивилизованного мира и господствует над духовным царством, которое обнимает третью часть обитателей земного шара. Никогда в этом мире жизнь не была так беспритязательна, скромна и проста по своей внешней стороне и форме и так богата по последствиям для всех времен, наций и классов людей. История не знает другого примера такого полного и удивительного успеха, несмотря на недостаток всякого рода материальных, социальных, литературных и артистических вспомогательных средств и влияний, которые необходимы обыкновенному человеку для достижения успеха. С этой стороны Христос стоит также особняком от героев истории и представляется нам неразрешимой загадкой до той поры, пока мы не поймем, что Он был больше чем человек – а именно, что Он был Вечный Сын Божий.

Мы попытаемся теперь изобразить личный или нравственный и религиозный характер Христа, каким Он представляется в евангельских известиях в период Его общественной жизни, и затем обратим внимание на собственные свидетельства Христа о Самом Себе, – на свидетельства, которые дают нам убедительное и единственно разумное решение великой проблемы.

Глава четвертая

Безгрешность Иисуса

Первое впечатление, какое производит на нас жизнь Иисуса, – это совершенная невинность и безгрешность Его среди погрязшего во грехах мира. Он и только один Он сохранил беспорочную чистоту детства, юность и возмужалость незапятнанными. Поэтому символы – агнец и голубь – самые приличные Ему символы.

Христос, без сомнения, подвергался искушениям, так же как и мы, но Он никогда не был побежден искушением 21). Его безгрешность была прежде всего относительная безгрешность Адама до падения: отсюда и необходимость испытаний и искушений, и сама возможность падения. Если бы Он с самого начала был одарен абсолютной неспособностью грешить, то не мог бы быть истинным человеком, и по этому самому не мог бы быть образцом для нашего подражания; Его святость не была бы Его собственной, личной заслугой, а лишь случайным, внешним даром, и Его искушения были бы обманчивым призраком. Как истинный человек, Христос должен был сделаться существом нравственно-свободным и нравственно-ответственным; но свобода предполагает способность выбора между добром и злом, предполагает также и возможность как исполнения, так и неисполнения заповедей Божиих. Однако, с одной уже этой стороны представляется огромное коренное различие между первым и вторым Адамом – первый лишился своей невинности через злоупотребление свободой и через свое непослушание подвергся печальной необходимости греха; второй же Адам среди грехов был и остался невинным, несмотря на все искушения. Таким образом относительная безгрешность Христа через Его собственное, личное нравственное дело, или через правильное употребление свободы, через совершенное, активное и пассивное повиновение Богу постепенно более и более делалась абсолютной. Другими словами: первоначальная возможность не грешить 22), заключающая в себе возможность греха, но исключаящая его действительность, развилась во Христе до невозможности грешить 23) – до невозможности, которая грешить не может, потому что не хочет. Это есть самая высшая степень свободы, где она делается тождественной с нравственной необходимостью или абсолютным и постоянным, непременным самоопределением к добру. Свобода на этой степени есть свобода Бога и святых на Небе, с тем различием, что святые достигают такого состояния свободы через освобождение и избавление от уз греха и смерти, тогда как Христос приобрел его Своими собственными заслугами 24).

Во всей земной жизни Иисуса, как о ней рассказывается, мы напрасно старались бы отыскать хоть единственное пятно или даже едва заметную тень, омрачающую нравственный Его характер. Никогда на земле ни один человек не жил так невинно, спокойно, как жил Христос. Он никому не оказал несправедливости и ни одному человеку не причинил вреда. Никогда Он не произнес неприличного слова и никогда не сделал дурного дела. Одинаковое господство над делами, мнениями, радостями и страданиями мира и беспристрастное отношение к богатствам, внешнему блеску, славе и наслаждениям человеческим мы постоянно находим в течение всей Его земной жизни. «Ни один известный порок не может быть представлен даже в самом отдаленнейшем соглашении с мыслью Иисуса Христа. Самая утонченная злоба напрасно будет искать самых слабых следов эгоизма в Его побуждениях; пред Его небесной чистотой чувственность с трепетом отступает, пристыженная; ложь должна оставить незапятнанным Того, Кто Сам воплощенная Истина; неправда должна потерять свою силу, встретившись с Его безошибочной справедливостью; одна только возможность скряжничества и корыстолюбия уничтожается перед Его благостью и любовью; самая обыкновенная мысль честолюбия исчезает в Его божественной мудрости и самоотвержении» 25).

Единственное возражение против свободы Христа от человеческих недостатков опирается на известный факт негодования Его при изгнании профанов-торговцев из храма, – единственное возражение, которое может быть выведено из известия о Его земной жизни. Но уже одно впечатление, какое производит на нас упомянутый факт, показывает, что это явление далеко не было следствием страстной вспыльчивости, а напротив, негодование Христа было законным делом человека в высшей степени религиозного, который со справедливой и святой ревностью оберегал и защищал честь храма Господня. Это было явление не слабости, но достоинства и величия, перед которым осквернители чистоты храма, несмотря на свое численное превосходство и физическую силу, тотчас должны были замолчать и безропотно снести заслуженное наказание, исполнившись священного ужаса перед очевидной сверхчеловеческой силой. Еще менее можно воспользоваться как возражением против свободы Христа от человеческих недостатков проклятием бесплодной смоковницы, потому что оно наглядно, знаменательным, символическим действием выражало состояние нераскаянных иудеев и страшный приговор осуждения их. Да, оба эти факта сделаются совершенно ясными и понятными только тогда, когда мы допустим присутствие Бога во Христе, потому что они представляют Христа как Господа храма и как Владыку творения.

Совершенная невинность Иисуса основывается между прочим не только отрицательно на отсутствии каких бы то ни было свидетельств о Его греховности, выразившейся в словах или делах Его, и не только на абсолютной свободе от малейших признаков эгоизма и земного чувства, но также положительно, на единодушном свидетельстве Иоанна Крестителя и апостолов, которые в глубочайшем благоговении преклоняются пред величием Его характера и объявляют Его «праведным, святым и безгрешным» 26). Об этом же еще яснее засвидетельствовали сами враги Христа. Языческий судья Пилат и его жена, представители римского права и законов, дрожат от страха и умывают руки, чтобы очиститься от невинной крови. Грубый, невежественный римский сотник от имени безучастных зрителей при Кресте исповедует: «воистину Он был Сын Божий». Даже Иуда, непосредственный свидетель всей общественной и домашней жизни Христа, воскликнул в отчаянии: «я сделал дурно, предав кровь невинную» 27). Наконец, безмолвная природа в таинственной симпатии является свидетельницей: Небо со своим мраком и земля со своим колебанием соединяются и бессознательно приносят от себя дань божественной чистоте своего умирающего Владыки.

Возражение, что евангелисты или самые происшествия передают не во всей полноте, или худо поняли характер Христа, лишено всякого значения, потому что помимо евангельских свидетельств мы имеем собственные, личные уверения Иисуса о Его полной свободе от греха и неправды – обстоятельство, которое дает нам возможность сделать выбор между абсолютной нравственной чистотой и абсолютным лицемерием, которое мы должны считать или величайшим чудом, или величайшей нравственной чудовищностью, когда-нибудь слышанной.

Уже тот факт, что Христос пришел на землю с целью спасти грешников и сделать их блаженными, говорит, что Он лично был безгрешен и Сам не нуждался в спасении. Отсюда понятно то впечатление, какое производят на нас вся жизнь и поведение Его. Он ни в чем не выказывает ни малейшей заботы о Своем собственном спасении; Он всегда сознает Себя в неразрывном единении со Своим Небесным Отцом. В то время, когда Он так торжественно и так внушительно призывает всех других к покаянию, Сам Он не нуждается ни в каком обращении и возрождении, но только в правильном гармоническом развитии Своих нравственных сил. В то время когда Он всем Своим последователям заповедует в пятом прощении Своей образцовой молитвы каждодневно, как о насущном хлебе, молиться о прощении своих грехов, Сам Он никогда не просит о милости и прощении, кроме прощения других, и вместо того, по праву, один только между всеми человеческими детьми получает власть

прощать другим грехи. В то время когда Он свободно обращается с грешниками, Он всегда обращается с любовью и в интересах Спасителя грешников.

То, что таким образом Христос всегда поступал во всех случаях, с неоспоримой несомненностью подтверждается историей, хотя объяснять такое явление могут, как хотят. Но чтобы устранить всякое сомнение, мы укажем на твердый и безбоязненный вызов Христа к самым отъявленным Своим врагам: «Кто из вас может обличить Меня во грехе?» 28) Этот вопрос, на который даже до настоящей минуты не дано никакого ответа, ясно и вразумительно делает Его непричастным всеобщей вине и греху нашего рода. В устах всякого другого человека такой вопрос, без сомнения, обнаружил бы или самое глубокое лицемерие, или такое самообольщение, которое граничит с сумасшествием; он уничтожил бы основание всякой человеческой честности; между тем из уст Иисуса мы принимаем его инстинктивно как самозащитное Одного, Который стоял несоизмеримо выше над возможностью успешного обвинения или основательного подозрения.

Мы не можем допустить, чтобы Христос был грешник и сознавал Себя таким, хотя и утверждал противное, и в то же время производил на Своих друзей и врагов впечатление незапятнанной невинности. А если бы мы допустили, то это было бы колоссальнейшим с Его стороны обманом, какой только может быть выдуман. «Если бы Иисус Христос был грешником, то Он так же, как и всякий грешник, сознавался бы во грехе, в противном случае Он был бы лицемер, насквозь пронизанный притворством. В самом деле, каким образом выказал бы Он так много божественной красоты в Своем характере, сохранил бы блеск ненарушенной гармонии и небесного величия в Себе, когда Ему пришлось бы делать все со смущенным духом и с сердцем, испорченным постоянным обманом, призраком добродетели?! Такой пример успешного лицемерия сам по себе сделался бы величайшим чудом, о котором когда-нибудь слышал мир» 29).

Таким образом, если мы не ценим не только саму миссию Христа и соответствующее ее важности Его поведение, но также если уважаем ясные, вразумительные Его объяснения, для нас будет неоспоримым фактом то обстоятельство, что Христос сознавал Себя свободным от греха и вины. А единственное разумное объяснение этого факта заключается в том, что Христос совсем не был грешником, с чем весьма охотно соглашаются величайшие богословы, даже такие, которые не претендуют на славу ортодоксии 30). Но это сознание указывает далее и на то, что между Христом и другими людьми было не только степенное, но и качественное различие. В самом деле, допустим, как и следует, (вопреки пантеистическому взгляду на необходимость греха), что человеческая природа способна к безгрешности, что она на самом деле была безгрешна до падения и что наконец опять сделалась безгрешной через спасение во Христе; и тогда мы, несомненно, должны будем признать, что человеческая природа в настоящем своем состоянии не безгрешна, и никогда не была такою со времени падения, исключая одного только Иисуса Христа. А поэтому безгрешность Христа может быть объяснена только на основании такого сверхъестественного обитания в Нем Бога, какового ни до Него, ни после Него ни в каком другом человеческом существе нельзя найти.

Библия, совесть и повседневный опыт жизни вполне единодушно свидетельствуют о всеобщности греха. Этот факт составляет глубокую и темную тайну нашего бытия, камень преткновения для разума, проблему проблем, печальный источник всех бед и всех болезней. Литература всех народов и всех времен исполнена жалоб на эту ужаснейшую и самую неумолимую действительность. Языческие философы, историки и поэты признают ее в самых метких и сильных выражениях; «злые страсти, – говорит Плутарх, – врождены человеку, а не принесены к нему извне, и если б не подоспело к нам на помощь строгое воспитание, то человека труднее было бы обуздать, чем самого дикого зверя». Известны стихи римского поэта:

«*Video meliora proboque, deteriora sequor*» («Вижу и одобряю лучшее, но следую худшему») и «*Nititur in vetitum semper cupimusque negata*» («Мы всегда стремимся к запретному и желаем недозволенного»).

Это грустное, добытое опытом свидетельство совести и опыта язычников о нравственной борьбе между небом и адом всегда находило в себе отклик в груди каждого (см.: Рим. 7 гл.). Что же касается фактического состояния нравов во время Христа и апостолов, то Сенека, Тацит, Персий, Ювенал представляют нам самые безотрадные известия и таким образом совершенно подтверждают ту мрачную картину, какую изобразил святой апостол Павел в первой главе своего послания к римлянам. «Всюду видишь преступления и пороки, – говорит Сенека, – они являются открыто и не маскируясь; безбожие царит во всех сердцах, и невинность сделалась не только редкостью, но совершенно исчезла». Марк Аврелий, стоический философ на престоле и гонитель христиан, жалуется, что «верность, честность, правда и истина далеко оставили за собой мир и обратились на Небо». Когда мы имеем пред собой это свидетельство языческих мудрецов, то что должны сказать мы – христиане, у которых сознание греха и виновности изощряется по мере нашего понимания святости Божией и опытного убеждения в милосердии Божиим? Поэтому весь христианский мир – греки, латиняне и протестанты – согласны с учением Святого Писания о всеобщей порче человеческой природы со времени падения первого Адама. Поэтому-то и новый, противный Писанию, догмат римской церкви о свободе Пресвятой Девы Марии от первородного греха не может быть принят здесь даже как исключение; потому что Ее безгрешность в папском определении 1854 г. объясняется чудесным вмешательством божественной благодати и везде действующим влиянием заслуг Ее божественного Сына. Не найдется ни одного человека, который не упрекнул бы себя в каких-нибудь недостатках и погрешностях. Только через сознание своей греховности человек может вполне познать себя и идти по пути добродетели и благочестия. Нет ни одного святого, который не испытал бы нового рождения свыше и действительного обращения от греха к святости, и который не чувствовал бы ежедневно необходимости покаяния и божественной благодати. Действительно, величайшие между святыми, как, например, святой апостол Павел и блаженный Августин, должны были вести самую упорную борьбу с грехом и испытать радикальный переворот. Как вся их теологическая система, так и религиозная жизнь их основывались на глубоко прочувствованной противоположности между грехом и благодатью.

Один только Христос представляет единственное и абсолютное исключение из всеобщего правила. Он думает как человек, чувствует как человек, говорит, действует, страдает и умирает как человек; окруженный грехами со всех сторон, Он проникается самым тончайшим чувством в отношении ко греху и глубочайшим состраданием к грешникам; общественное Свое служение начинает воззванием: покаяйтесь; ибо приблизилось Царствие Небесное (Мф. 4, 17). Несмотря на это, Его не коснулась скверна мирская; Он ни разу не был в состоянии грешника; никогда не изливает слез покаяния, никогда не раскаивается ни в мысли, ни в слове, ни в поступке; ни разу не нуждается в божественном прощении и никогда о нем не просит, а предлагает вопрос: «Кто может обличить Меня во грехе?» всем Своим настоящим и будущим врагам смело, уверенный в незапятнанности Своей абсолютной чистоты пред Богом и людьми. Вместо всего этого Он живет в неограниченном солнечном свете единения со Своим Небесным Отцом, Своим именем прощает грехи, страдает и умирает как чистая жертва за грешный человеческий род, и в виду смерти провозглашает Себя Судьей мира!

Глава пятая

Совершенная святость Иисуса

Безгрешный Спаситель среди мира, исполненного грехов, представляет удивительный факт, высокое нравственное чудо в истории. Но эта свобода от всеобщей вины и греха человеческого рода представляет, однако, только отрицательную сторону Его характера, который возвысится еще больше, когда мы рассмотрим также и положительную его сторону, а именно – абсолютное нравственное и религиозное Его совершенство.

Все вообще, даже деисты и рационалисты всех оттенков, согласны в том, что Христос преподавал самую чистую и самую превосходную систему нравственного учения, – систему, которая далеко оставляет за собою в тени все нравственные предписания и правила лучших и мудрейших мужей древности. Одна уже Нагорная проповедь запечатлена бесконечно большими достоинствами, чем все, что об обязанностях и добродетели сказали и написали Конфуций, Сократ и Сенека.

Но различие делается еще резче, когда мы станем рассматривать практику и жизнь. Все системы нравственной философии, взятые вместе, не в состоянии были бы обновить мир. Слова ничего не значат, когда они не подкрепляются и не оправдываются делами. Святая жизнь гораздо сильнее располагает к добру, чем прекраснейшие нравственные правила и сочинения, и с этой стороны различие между Иисусом и знаменитыми мудрецами так радикально и важно, что всякое сравнение даже немыслимо. Цицерон, при всем своем безграничном тщеславии, все-таки один из благороднейших и достойнейших людей между древними римскими характерами, признается, что он никогда в своей жизни не встретил совершенного мудреца и что философия только указывает нам, каким он должен быть, если явится когда-нибудь на земле. Известно, что мудрейшие мужи Греции и Рима одобряли рабство, деспотизм, месть, детоубийство или подбрасывание детей, многобрачие и конкубинатство и еще худшие пороки или, как корыстолюбивый и продажный Сенека, своей жизнью обличали во лжи проповедуемую ими чистую мораль 31). Даже величайшие ветхозаветные праведники, не лишённые, однако, помощи божественной благодати, не возвышались над погрешностями, и некоторые из них запятнали себя человекоубийством и прелюбодеянием. Можно смело утверждать, что благочестивейшие и лучшие люди, даже между христианами, в своей жизни никогда, даже по собственному несовершенному масштабу, не достигали совершенства.

А Христос? Его жизнь и поведение были совершенным осуществлением Его учения. Он был тем и делал то, чему учил. Он проповедовал Свою Собственную жизнь и жил по Своей проповеди. Он есть живое воплощение идеальной полноты добродетели и святости и должен быть признан высочайшим образцом и примером для всего, что вообще и чисто, и хорошо, и благородно в глазах Бога и людей. С этим должны согласиться даже неверующие. «Христос соединил в Себе, – сказал покойный Теодор Паркер, этот американский Штраус, – высочайшие правила и Божественную жизнь и таким образом осуществил Собою сновидения пророков и мудрецов, и даже более этого: Он свободно возвышается над всеми предрассудками Своего времени, народа и его сект; в Своей груди Он оставляет свободный путь Духу Божию; святой и истинный, Он не заботится о законе; Сам уважаемый как закон, пренебрегает и формами его, и жертвами, и священниками; Он сталкивает в сторону ученых законников со всею их хитростью и усвоенным авторитетом и изливает Свое учение, чистое, как свет, возвышенное, как Небо, и истинное, как Бог» 32). И Ренан, так грубо искаживший жизнь и характер Иисуса, сознается, что в слове и деле, в учении и жизни Герой из Назарета «ни с кем не сравним», и что эта слава останется за Ним вечно и всегда будет нова 33).

Мы находим Христа во всех обыкновенных и существенных отношениях жизни как сына, брата, друга, гражданина, учителя дома и в собраниях народа 34). Мы видим Его обращающимся со всеми классами общества: с грешниками и благочестивыми, с бедными и богатыми, с больными и здоровыми, с маленькими детьми и со взрослыми мужчинами и женщинами, с неучеными рыбаками и с образованными книжниками, с презренными мытарями и со знатными, уважаемыми членами синедриона, с друзьями и врагами, с удивляющимися учениками и жестокими гонителями, то в беседе с таким мужем, как Никодим, или с самарянкою; то в семейном кругу двенадцати, то в толпе народа. Мы находим Его во всех положениях: в синагоге и в храме, дома и в путешествии, в деревнях и в городе Иерусалиме, и на берегах Галилейского моря, и на веселой свадьбе, и на печальной могиле; видим Его в ужасной борьбе в Гефсимании, в доме судьи, перед первосвященниками, перед грубыми солдатами и фанатической толпой и наконец в жестоких крестных муках на Голгофе.

Во всех этих различных отношениях, обстоятельствах и положениях, в которых находился Христос в течение трех лет общественного Своего служения, Он везде во всем и постоянно обнаруживает один и тот же характер, совершенно чуждый всякого порока. Он исполнил все обязанности по отношению к Богу, людям и Самому Себе, не нарушая их ни в чем, и представляется поэтому поступающим всегда согласно с законом, по духу и букве. Жизнь Христа есть непрерывное служение святой воле Божией, – единственное великое дело совершеннейшей любви к Богу и к людям и личное самопожертвование ради славы Его Небесного Отца и для спасения падшего человечества. Чем более мы изучаем жизнь Христа, тем более мы должны сказать языком народа, крайне удивлявшегося Его делам: «Он все хорошо делает» 35). В торжественной первосвященнической молитве к Своему Небесному Отцу, в минуту разлуки с миром, Он мог возвестить всему миру, что Он прославил Своего Отца и совершил дело, которое Он ему дал (см.: Ин. 17, 4, 22).

Глава шестая

Единство добродетели и благочестия в Иисусе

Что в одном только известном нам совершенном характере Христа тотчас приковывает наше внимание, так это – полное единство добродетели и благочестия, нравственности и религиозности, или божественной и человеческой любви. Христос больше, чем нравствен, и больше, чем благочестив, – Он свят в собственном и полном смысле этого слова. В Его характере являются божественные красота и совершенство, простое рассмотрение которых представляет непорочность и чистоту, мир и блаженство души.

Благочестие было душою нравственности Христа и поставило Его высоко над сферой чистой легальности. Каждое нравственное действие Христа имело у Него свою основную причину в совершенной любви к Богу и своим предметом и целью имело временное и вечное благо людей. В основании его характера лежало внутреннее, самое тесное и непрерывное соединение и общение с Его Небесным Отцом, от Которого Он все производил и к Которому все относил. Уже на двенадцатом году Своей жизни Иисус Христос находил Свою жизнь и Свою радость в том, что принадлежит Его Отцу (см.: Лк. 2, 49). Совершать дело и исполнять волю Того, который Его послал, было ежедневною Его пищей (см.: Ин. 4, 34; 5, 30). К Нему Он возводил взор в молитве перед началом каждого важного действия и Своих учеников учил той образцовой молитве, которая по своей простоте и всеобъемлющей краткости, выражающей однако все потребности человека, навсегда останется бесподобною. Он часто восходил на гору или иногда удалялся в уединение, чтобы помолиться, и этому высокому делу отдавал дни и ночи. Его обыкновение обращаться с Богом было так твердо и неизменно, что Он оставался ему верен даже среди толпы народа и даже сам город, с его шумом и людской толкотней, превращал в религиозное пристанище. В жизни Христа решительно не было ни одной минуты, в которую бы Его покидала мысль о Боге. Даже и тогда, когда Он в неописанных страданиях души и тела и в искупительных мучениях из-за человеческого рода воскликнул: «Боже Мой, Боже Мой, зачем Ты Меня оставил?» 36), – даже и тогда не разрывалась связь единения с Богом, и не только не разрывалась, но и не сделалась даже слабее, помрачившись, конечно, на минуту, подобно тому как помрачается солнце, когда заслоняется облаком; не прекращалось также ни обладание, ни наслаждение этим единением, ни на один момент не исчезая из Его чувства, потому что непосредственно за высказанными словами Он торжественно воскликнул: «совершилось!» и предал дух Свой в руки Своего Отца. Это нравственное единение Христа с Богом в каждую минуту Его жизни было так твердо и полно, что Он в Своем лице поистине реализовал идею религии, цель которой заключается именно в достижении такого единения. Поэтому Он есть личный Представитель и живое воплощение христианства, истинной и абсолютной религии.

При всем этом, благочестие Христа состояло не в бездейтельном созерцании и в отвлеченном от всего мирского мистицизме и эгоистическом самоуслаждении, но оно было именно практическое, всегда деятельное, всегда обращенное на возрождение и преобразование мира в Царство Божие: «Он ходил всюду и делал добро». Жизнь Христа представляет собой непрерывный ряд добрых дел, вытекающих из того же самого единения с Богом, одушевленных одной и той же любовью и преследующих одну и ту же цель: славу Божию и счастье людей.

Глава седьмая

Всеобщность характера Иисуса

Одна из дальнейших черт в характере Христа, на которой мы можем остановить свое внимание, – это его нравственная и религиозная всеобщность и всеобъемлющая полнота. Тогда как все другие люди, даже самые лучшие из них, содействуют развитию только одной, и притом далеко не полной идеи доброго и святого, Христос совершенствует всё, что может быть названо великим и добродетельным. Его душа – это прекрасный нравственный рай, полный пленительных цветов, блистающих всевозможными красками под лазоревым небосклоном, – цветов, которые пьют освежительную росу свыше и горячие лучи солнца, распространяют вокруг себя упоительно-сладостное благоухание и душу созерцателя наполняют блаженной радостью.

История представляет нам много мужей влиятельного и замечательного ума, мужей, которые стояли во главе своего времени и своей нации и доставляли материал для умственной работы целых поколений и периодов до тех пор, пока самих их не сменят другие великие люди и не начнется новая эпоха развития. Как источники обыкновенно вытекают из горных возвышенностей, так знание и нравственная сила рождаются и питаются на высоте человечества. Авраам, отец верующих, Моисей, законодатель еврейской теократии; Илия между пророками, Петр, Павел и Иоанн между апостолами; Афанасий и Златоуст между греческими, Августин и Иероним между латинскими отцами, Ансельм и Фома Аквинат между схоластиками, Лев I и Григорий VII между папами; Лютер и Кальвин между реформаторами и протестантскими богословами; Сократ, патриарх древних философских школ; Гомер, Данте, Шекспир и Мильтон, Гете и Шиллер в истории поэзии различных народов, к которым они принадлежат; Рафаэль между живописцами; Карл Великий, первый и величайший в длинном ряду немецких императоров; Наполеон, стоящий во главе генералов своей школы; Вашингтон, первый по уму и нравственным достоинствам между президентами Америки, чистейший и благороднейший тип американского характера, – все это лица, которые могут быть указаны как пример тех героев в истории, которые служат представителями силы и могущества целых генераций, выразителями и центрами их. Но все эти характеры представляются влияющими только на одну известную часть человечества, а не на весь человеческий род; они принадлежат одному какому-нибудь особенному, известному народу и времени и принимают участие в заблуждениях, предрассудках и погрешностях своего времени и своего народа почти всегда в такой же мере, в какой представляют их добродетели и преимущества. Моисей, глубоко почитаемый верующими трех религий, был еврей по своим взглядам, чувствам, нраву и обычаям, как равно и по своему происхождению; Сократ никогда не возвысился над греческими типическими характерами; Лютер был немец, представлявший во всех своих достоинствах и недостатках силу и слабости немца, и только как немец может быть верно понят и справедливо оценен; Кальвин, и изгнанный из отечества, остается французом; Вашингтон ни для одного из других народов на земле не может быть тем, чем он был для американцев. Влияние этих великих людей может также, как это действительно случается, распространиться далеко за пределы их нации; но никогда, однако, они не могут сделаться всеобщими образцами для подражания. Мы рассматриваем их как людей необыкновенных; но в то же время мы видим в них и людей, подчиненных заблуждениям, – людей несовершенных, следовать которым во всех отношениях было бы очень опасно. Очень часто недостатки и пороки великих людей стоят в таком же отношении к их достоинствам и силе, в каком большие тела находятся к своим теням. Даже три главы апостолов делаются образцами добродетели и благочестия только в той мере, в какой отражают в себе образ своего божествен-

ного Учителя, и только с этим поучительным ограничением убеждает святой Павел своих духовных детей: «Подражайте мне, как я подражаю Христу» 37).

Чем эти великие мужи были для известного времени или народа, тем был Христос для всего человеческого рода в его отношении к Богу. Он и один только Он имеет полное право назваться всеобщим образцом для всеобщего подражания во всех отношениях. Поэтому Он мог по всей справедливости отзываться всех людей от мирской суетности и предлагать им все оставить и следовать за Ним 38). Он не ограничивается пределами времени, школы, секты, народа и расы. Конечно, Он был еврей по плоти, одевался в одежду еврейского раввина, а не в одежду греческого философа и, без сомнения, приравнивался к иудейским обычаям жизни. Но это представляет только внешнюю Его сторону; когда же мы рассматриваем внутреннего человека – Христа, Его мысли и действия, то находим, что в Нем они имеют всеобщее значение и цену. Нельзя открыть в Нем ничего иудейского, ничего исключительного и чего-нибудь отталкивающего. Особенное и национальное всегда у Него подчинялось самым гармоничным образом всеобщему и человеческому. Еще менее позволяет Он отождествить Себя с какой-нибудь партией или сектой. Одинаково далек Он был как от сурового, леденящего формализма фарисейского, так и от разнузданного либерализма саддукейского и квиетистического мистицизма ессейского. Он стоял выше всех предрассудков, ханжества и суеверий Своего времени и Своего народа, возвышался над силами, которые во всяком другом случае имеют неотразимое влияние и налагают свои оковы даже на сильнейшие и во всем другом свободнейшие умы.

Вспомним о свободе Христа в делах соблюдения субботы, о свободе, которая привела в ужас кропотливых книжников, тогда как Он, Господь субботы, исполнял истинный смысл и дух закона в его всеобщем и вечном значении 39); приведем себе на память ответ, который Он дал Своим ученикам, когда они несчастие слепца приписывали особенно тяжким собственным его грехам или грехам его родителей 40); вспомним откровенное и благородное отношение Его к самарянам, сравним его с закоренелой ненавистью и предубеждениями против них иудеев Его времени, от которых не были свободны даже Его ученики 41); и, наконец, вспомним любвеобильное Его суждение о галилеянах, кровь которых Пилат смешивал с их жертвами, и о тех восемнадцати, на которых упала силоамская башня и покрыла их своими развалинами (см.: Лк. 13, 1–4). «Думаете ли вы, что эти галилеяне были грешнее всех галилеян, что так пострадали? Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все так же погибнете». Единственное возражение против свободы Христа от народных заблуждений и суеверий, которое рационалисты с некоторой степенью правдоподобия находят возможным представить перед форум скептического духа времени, основывается на вере Христа в дьяволов и демонов. Допустим, что они хотят представить такую веру неразумной; но постоянный опыт опровергает их положение: тогда как они освобождаются от одного дьявола, они не могут отвергать существования многих дьяволов в образе человеческом и должны сделаться еще темнее в своих суждениях, потому что гораздо неразумнее верить в прочность продолжительного существования хаотического, пустого брожения умов злых людей и разрушительных принципов, чем верить в организованное царство злых духов с начальником во главе их.

Как пирамиды возвышаются над равнинами Египта, так Христос возвышается над всеми человеческими учителями, основателями религий и сект. Он, на языке Ренана, «человек один из колоссальных»; мы можем правильнее сказать: «бесконечно – несравнимый». Он находил учеников и поклонников между иудеями, хотя и не принадлежал ни к одной из иудейских сект и не увлекался иудейскими преданиями; Он находил обожателей между греками, хотя и не проповедовал никакой новой философской системы; между римлянами, хотя Он и не одержал ни одного сражения и никакого царства не основал; между индийцами,

которые презирают всех людей из низких каст; между черными дикарями Африки и краснокожими американцами – так же успешно и легко, как и между цивилизованными нациями новейших времен всех стран света. Все Его слова и все дела, несмотря на то, что постоянно вызывались известными случаями, заключают в себе неизменную, неубывающую силу и применимость для всех времен и народов. Христос – это один и тот же ни с кем не сравнимый и бесподобный образец всякой добродетели для христиан всех времен, всех климатов, всех сект, всех народов и рас.

Глава восьмая

Гармоническое единство во Христе всех добродетелей

Было бы большой ошибкой, если бы мы захотели допустить, что такому характеру, какой мы рассматриваем, можно сообщить удовлетворительную полноту посредством полного перечня его добродетелей. В характере Христа мы находим не только полноту, но гораздо больше: мы находим в нем прекрасную симметрию и совершенную гармонию всех добродетелей, чем Христос специфически отличается от всех других людей. Эта черта заканчивает возвышенную картину святости и величия, которая представляется нашему наблюдению. Эта черта с особенной силой поражала всех знаменитых мужей, которые когда-нибудь писали об этом предмете 42).

Христос был свободен от всякой односторонности, которая обнаруживает силу и слабости великих людей. Он не был муж одной какой-нибудь идеи или добродетели, господствующих над всеми другими. Нравственные силы у Него так хорошо были уравновешены и так соразмерялись одна с другой, что ни одна из них не возвышалась с особенной силой над другой, ни одна не переходила в крайность, ни одна не ослабевала и не уменьшалась от недостатка других. Каждая сила ограничивалась противоположным величием, и потому каждая из них была свободна от крайностей. Характер Христа никогда не терял соразмерности и равновесия и никогда поэтому не мог быть неравномерным. Он был совершенно и постоянно один и тот же от начала до конца.

О темпераменте Христа ничего нельзя сказать удовлетворительно. Он не был ни сангвиник, как Петр, ни холерик, как Павел, ни меланхолик, как Иоанн, ни флегматик, каким иногда считают, хотя и несправедливо, Иакова; но в темпераменте Христа соединялись: живость и впечатлительность сангвиника, но с отсутствием легкомыслия, сила холерика без его запальчивости, твердость и важность без мрачной желчности меланхолика, спокойствие без тупого равнодушия и вялости флегматика.

Христос одинаково был далек от крайностей легалиста, пиэтиста, аскета и энтузиаста. При самом строгом подчинении закону, Он не терял свободы; при всем жаре энтузиаста, Он был постоянно спокоен, трезв, воздержан и всегда владел Собою; несмотря на Свое полное и решительное возвышение над предметами этого мира, Он обращался свободно, непринужденно и откровенно с людьми, мужчинами и женщинами: ел с мытарями и грешниками, принимал участие в свадебном пиршестве, проливал слезы на могиле, любовался делами рук Божиих в природе, восхищался красотой лилии, и занятиями сельского хозяйства пользовался для наглядного объяснения возвышеннейших истин Царства Божия. Его добродетель трезва, тверда и сильна, и при всем том добродушно-общительна и истинно-человечна; никогда она не была мрачной и отталкивающей, всегда находилась в полной симпатии с невинной радостью и весельем. Он, чистейший и святейший из всех людей, претворяет воду в вино на свадьбе, блудного сына позволяет встретить в доме отца с откормленным телянком и с пением и возбуждает язвительные упреки Своих противников, что Он «ядца» и «пийца».

Его ревность никогда не переходила в страсть или раздражение, Его твердость никогда не становилась упрямством, Его благосклонность никогда не переходила в сентиментальность, Его свободное чувство не знало ничего о равнодушии и необщительности, Его достоинство незнакомо было с гордостью и надменностью, Его снисхождение и откровенность далеки были от неуместной, неприличной доверчивости, Его самоотвержение чуждо было ропотливости, в Его умеренности и воздержании не было самоумерщвления. Он соединял невинность дитяти с достоинством мужа, всеобъемлющую ревность Божию с неутомимым

участием в благосостоянии людей; Он соединял нежную любовь к грешникам с неумолимой строгостью ко греху; повелительное достоинство с самым привлекательным смирением и беспритязательностью, безбоязненную бодрость духа с мудрой предусмотрительностью, непреклонную твердость с изумительной кротостью и мягкостью.

Справедливо сравнивают силу Христа с силой льва и Его кротость с кротостью агнца. Он обладал одинаковой мудростью змия и целомудрием голубя. Он поднимал меч против зла во всех его видах и принес на землю мир, которого не мог дать мир. Он был самый деятельный и, однако, менее всего шумный, спокойнейший и терпеливейший обвинитель человечества. Он приходил на землю с тем чтобы исполнить каждую букву закона, и однако все делал вновь. Та же самая рука, которая изгоняла невежд торговцев из храма, благословляла дитя, исцеляла прокаженных и держала утопающего ученика. То же самое ухо, которое слышало голос благоволения с Неба, было открыто для вопля жены хананеянки; те же уста, которые изрекали ужасное горе лицемеру и нечистую жадность и безжалостную мысль осуждали как открытое преступление, хвалили спасительную нищету духа, нарушительнице супружеской верности произносили прощение грехов и молились за своих убийц; те же глаза, которые созерцали тайны Божии и проникали в сердца людей, проливали слезы сострадания над неблагодарным Иерусалимом и слезы дружбы при гробе Лазаря.

Конечно, это самые противоположные черты характера, но не противоречия, подобно различным явлениям божественного могущества и благости, открывающихся в буре и в солнечном сиянии, в возвышающихся к небесам Альпах и в цветке долины, в беспредельном океане и в капле утренней росы. Противоположности отчетливо могут быть отделяемы в несовершенном человеке, но совершенно гармонически соединяются во Христе, всеобщем образце для всех.

Глава девятая

Страдания Иисуса

Как все активные и высокие добродетели встречаются в Иисусе, так соединял Он в Себе еще добродетели пассивного и телесного свойства. Он оставил высочайший пример для всякого истинного мученичества.

Ни один характер не может достигнуть совершенства без борьбы и страданий, и благородная смерть есть венец благородной жизни. Эдмунд Бурке сказал однажды в английском парламенте Фокусу: «Позор и бесчестие суть необходимые ингредиенты всякой истинной славы. Клевета и злословие существенно принадлежат победе». Древние греки и римляне удивлялись честному человеку в его борьбе с несчастьями и злополучиями как зрелищу, достойному богов. Платон описывает праведника как такого человека, который не делает ничего несправедливого, и, однако, имеет вид величайшей неправды, и который свою справедливость доказывает до самой смерти твердым терпением, несмотря ни на какие клеветы и злословия; именно он сказал: «Когда такой праведник явится когда-нибудь на земле, его будут бичевать, мучить, свяжут, лишат зрения и, после претерпения всевозможных поруганий, он будет пригвожден на столбе» 43). Нет ничего удивительного в том, что отцы Церкви, так же как и богословы новейшего времени, в этом достопримечательном месте усматривают поразительную параллель между 53 гл. пророчеств Исаии и бессознательным предсказанием языческого мудреца о страданиях Христа.

И, однако, этот абстрактный идеал великого философа как далеко отстоит от той действительности, какая представилась спустя три столетия! Великие мужи этого мира, являющиеся при особенно благоприятных и воодушевляющих обстоятельствах превосходящими самих себя, возвышающимися над самими собою, смело поднимающими чело пред далеко превосходящей их силой, – как часто эти люди теряют свою устойчивость в ежедневной жизни и делаются нетерпеливыми, встречаясь с самыми ничтожными препятствиями! Вспомним только о Наполеоне во главе его победоносных легионов и держащем кормило империи, и представим себе того же Наполеона после поражения его при Ватерлоо и на острове Святой Елены. Высочайшая форма пассивной добродетели, какой достигали древнее язычество или новейший светский героизм, есть форма стоицизма, который предпринимает и выдерживает борьбу с жизнью, ее нуждами и злополучиями в духе высокомерного презрения и бесчувственного равнодушия, который отвергает всякое восприятие впечатлений; таким образом, стоицизм представляет только иную форму эгоизма и гордости.

Совсем другой, бесконечно высший образец дал нам учением и примером Христос, образец, неизвестный ни до Него, ни после Него, – образец, встречающий несовершенные подражания себе в среде последователей Христовых. Христос совершенно ниспроверг древнюю нравственную философию и убедил мир, что прощающая врагов любовь, святость и смирение, скромное, безропотное терпение в страданиях и охотное подчинение святой воле Божией есть истинный венец нравственного величия. Если семь раз в день, – говорит Он, – брат твой согрешит против тебя, и семь раз в день обратится и скажет: каюсь; прости ему (Лк. 17, 4). Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих и преследующих вас (Мф. 5, 44). Это поистине возвышенное учение; но еще возвышеннее и благотворнее его практическое осуществление в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.